

ОТ РЕДАКЦИИ

Сегодня у нас в гостях абсолютно молодые люди, которые взяли да и организовали свой театр, потому что театр для них — это ежедневные поиск и открытия. Они не получали от государства миллионы сребреников, чтобы распахнуть их по карманам. Они бедны,

но счастливы своим театром утопий. А мы с вами заглянем на часок в их творческую мастерскую, где, надемся, отыщем много интересного. Но самое главное — поймем, как же мыслят современные Мейерхольды и Таировы...

Виктор ТКАЧЕВ, Анна ЛИФИРЕНКО

Виктор Ткачев родился в г. Пятигорске, окончил Высшую школу (факультет) телевидения МГУ.

Анна Лифиренко родилась в г. Тольятти, окончила филологический факультет МГУ.

Защитили дипломные работы по истории театра и современной режиссуре.

Организаторы Театра Утопий.

В. Т.

Пока вначале я буду рубить сплеча. Начнем с важнейшего.

Дидактизм сегодня в театре убит (ибо советский рудимент). Он мертв безнадежно. Его стоило только высмеять. Напичканный партийными догмами, он свалился быстро.

После смерти дидактизма остался гротеск. Сегодня он правит бал, даже если в спектакле речь идет о кровопролитии.

Кровожадный ли карнавал или рутинный — вот обстоятельства спектаклей ведущих театров. Человечек на сцене, попавший в пространство хаотичного абсурда социальных бесовщин или личных драм, не имеет цели сопротивления им. Его интуитивная цель — страдание. То и дело он иступленно кричит, гримасничает. В силу усиления сцен крика зритель постигает его личный триумф. Как по кальке.

Достижение безумия, чувства полной безвыходности помещает его в «героическую» оптику. Причина его аффективных состояний — подлинная неживучивость. Герои спектаклей чувствуют: главное не борьба (достойно ли смириться?..), а их штампованное безумие, психический слом. Они не уживутся

в силу своей нормальности (если она и существует в рамках постдраматического театра), они не смогут бороться, поскольку автоматически станут «кровавыми бунтовщиками».

Это одна из основных черт ведущих русских театров. Они, вставшие на почву застоя 70-х, взявшие свой исток от театра 1920-х, порвали союз дидактичности с гротеском. То, что в итоге стало с первым, см. выше.

Сухой остаток — это завоеванный когда-то театром синтез явлений жизни и игры, подменяется непрерывной игрой, ей уже ничто не преграждает дорогу. Все формальное (лживое) должно было умереть. Сначала убили автора (как тоталитарный институт), теперь добивают человека.

Диктат драматурга, режиссера и актера упразднен. Диктат постдраматического времени никто не трогает.

Социальный жест непоколебим.

Постдраматический театр был не в силах разрешить противоречие существования человека и текста. Нуждающийся по инерции XX века в логике, он ее ищет, не находит и в итоге отрицает. Проблема (вполне реальная) категоричной отдаленности написанного, теоретического с повседневным — большая

Виктор Ткачев и Анна Лифиренко на сцене

точка XX века. Многие обратились к критике текстов, ведь критика людей выглядела несерьезно и нравоучительно.

Доминирование постдраматического театра, его успех обеспечили такие вещи, как проклятия абсурдистов в адрес всего тоталитарного, то, что руководство СССР годами дискредитировало себя, давление на авангардистов, расправы над ними или их болезненная мимикрия, смерть Брехта и его поколения (не надо недооценивать роль личности). Все это неумолимо расчищало дорогу торжеству постдраматизма.

А. Л.

Начнем с общего, перейдем к частному. Искусство не должно становиться средством выражения сугубо личных переживаний художника. Мы считаем, что у него есть такая благородная миссия преображения, направленная целиком на весь мир. Тогда оно будет искусством, а не ремеслом или необходимостью выразить себя и свои чувства и мысли посредством разных форм. А театр, как совокупность и даже синтез многих видов искусства, должен осуществлять эту миссию в двойной, в десятой степени. Но театру сегодня не хватает идейности (не путать с замшелой идеологией и узостью авторской точки зрения), не хватает позиционности, выразительности. Потому-то мы пытаемся соединить объективизм и повествовательность эпического театра с неустойчивостью, разноплановостью, многоликостью театра постдраматического.

Для любого художника опасен отказ от парадоксов, их отрицание. Но материал парадокса не должен довлеть в искусстве над целостным методом художника.

Если мы имеем амбиции к дальнейшему существованию, наша задача — не органичное вхождение постдраматического в Театр Утопий (идейный рубеж, кстати, проходит между многими членами нашей труппы), а органичная полемика, его отрицание с учетом актуальности.

Итак, что же мы заимствуем от постмодернистского театра? Во-первых, элементы перформативности и импровизации. Во-вторых, новые возможности осмысления происходящего на сцене за счет все меньшего «я» в действии, все меньшей осознанной воли. И в-третьих, отсутствие диктата автора и его авторской концепции (от этого веяния времени никуда не денешься). Но мы не отрицаем авторское начало, ибо авторство и авторская точка зрения — единственный способ апеллировать именно к интеллекту зрителя и соблюдать прекрасную логику показываемых вещей.

Мы подошли к тому, что наиболее волнует нас в новом театре, создаваемом нами, — месту разума в нем. Мы основываемся на брехтовском приеме очуждения, который выражается в анализе играемых

нами же самими вещей. Но это вовсе не значит, что мы отрицаем чувственную сторону восприятия сценической игры. Мы придерживаемся формулы «к разуму через чувство и к чувству через разум», так как знание и процесс мысли проистекает в том числе в результате состояния аффекта актера, который передается и зрителю. Мы не пытаемся вызвать «трогательные театральные чувства», опираясь на сентиментальную традицию драматического театра. Для нас важно вызвать чувства, подпитанные работой интеллекта. Мы оставляем некоторую долю вживания в роль, потому что совсем без него театр жить не может, мы не отрицаем психологизм. Безусловно, мы оставляем веру в предлагаемые обстоятельства, но всегда с оглядкой на свой интеллектуальный бэкграунд. Конечно, мы нисколько не против восхищения прекрасным.

«Основательный и сложный театр» не может существовать в жидковатом бульоне постдраматического театра. Проблема в том, что театр не может быть продуктом, ибо спектакль рождается здесь и сейчас и не производит материальный объект. Мы напоминаем об этом. «Театр — место реального собрания воедино», а «произведение спектакля и восприятие знаков и сигналов происходит одновременно». Никогда не стоит забывать про это его практически аксиоматичное свойство, ведь посредством театра мы собираем воедино здесь и сейчас некоторое количество людей и предлагаем им задуматься над тем же, над чем задумываемся сами.

Теперь к обратной стороне вопроса. В бульоне постдраматического театра очень не хватает текстовой приправы. В отличие от основного постулата постдраматического театра (приведем его: драматический текст теперь есть текст театральный, то есть осмысляющий сам себя, приобретающий полную автономию в языковом отношении), мы возвращаем «театр текста», театр слова, но текста в уже новом, эпи-

ческо-постдраматическом симбиозе. Язык перестает быть «автономной театральностью». Постдраматический театр представляет театр как действительность языка, но не как средство передачи информации, не как средство коммуникации. Это свойство постдраматического театра мы убираем и возвращаем языку его первичные функции — коммуникативность и информационность.

Но это вовсе не значит, что мы опираемся лишь на него для воздействия на разум и чувства нашего зрителя. Текст взывает к разуму, игра текста и игра тела — к чувству. Нам необходим текст, нам необходимо слово, чтобы взывать к разуму. И мы нуждаемся в других приемах, чтобы взывать к чувствам.

От постдраматического театра мы не берем кажущуюся реальность. В нашей реальности, которая нам совсем не кажется, есть много того, о чем тем или иным образом следует рассказать на сцене. В новейшей постмодернистской драме предстают не события, а осмысления событий. Мы же возвращаем события на сцену, но и не забываем про их осмысление.

Итак, сделаем вывод: наш театр — это гармоничный синтез театра слова и театра действия. Знание разных концепций позволяет нам сделать такое суждение, и мы объединяем опыты прошлых и существующих театральных открытий и достижений. Слово возвращается в театр от противного, оно снова становится необходимым, в нем, как в непоколебимой силе, управляющей языковой картиной мира человечества, его сознанием (как индивидуальным, так и коллективным), снова возникла острая потребность.

И не надо забывать, что процесс развития нашего театра логичный, последовательный и исходящий из современного культурного контекста. Мы не противоречим существующей культурной ситуации, но вносим в нее некоторые коррективы, создавая собственную концепцию жизни театра.

Авторы текста передают привет труппе Театра Утопий, в разговорах с которыми они проверяли свои предположения и мысли: Марии Маховой, Жанне Карцевой, Варваре Пикулевой, Павлу Середе, Марии Киреевой, Якову Резникову. Привет!